

ИНТЕРВЬЮ № 3

Респондент: священнослужитель РПЦ.

- Отец [имя], [название храма]. Если не секрет, сколько вам лет?

- Двадцать девять.

- А в сане из них вы...?

- Полтора года.

- Кроме вас здесь служат еще другие священники?

- Конечно.

- Это один из самых больших приходов?

- Нет.

- А какой самый большой?

- Сложно сказать, я даже вам не назову. Сейчас почти на каждом приходе от одного священника и до – ну, допустим, у нас пять. Сколько у других я просто не знаю. По-разному, в зависимости от величины прихода.

- Просто я был в церкви на Юго-Западе и там мне сказали, что, наоборот, у них два батюшки на три-четыре храма.

- Ну, это естественно. Я имел в виду действующие приходы. Понятно, что есть храмы, где нет вообще священника, таких храмов много. Я не знаю, но уверен, что у нас в епархии больше сорока. Я точно знаю, мне говорили, что в одной нашей епархии – в Пензе – сорок приходов пустует. Так это Пенза, а у нас все-таки регион побольше будет. Да, очень много храмов - особенно в деревнях, в области - пустых. Поэтому один священник может окормлять несколько приходов – два, три, четыре прихода.

- То есть, в принципе, есть дефицит батюшек?

- Конечно

- А образовательные же учреждения существуют?

- Да, семинария, духовное учебное заведение.

- И большой там оборот студентов?

- Оборот студентов? Давайте так – сколько выпускается обычно человек. Выпускается примерно от пяти – и до восемнадцати. В среднем десять-двенадцать человек, из поступивших обычно двадцати пяти-тридцати человек, то есть где-то одна треть.

- А сколько на покой уходит священников? Бывает же такое?

- Это вам в канцелярии епархии надо спросить. Да, такое бывает. Ну, все уходят на покой – когда-то. Я таких не знаю почти. Просто это же нигде официально не докладывается – мол, этот священник сейчас находится на покое. Обычно так: священники не уходят на покой, правильней сказать, что священники уходят за штат. На покой уходит архиерей. Архиерей – фигура большая, официальная; он служит до тех пор, пока, допустим, у него силы не кончаются, или возраст не подходит. Либо какая-то хорошая замена, может быть, появляется, и тогда архиерей уходит на покой, то есть он отстраняется от официальных дел, от управления епархией. А священник, будучи штатным клириком, грубо говоря - получая зарплату на приходе, по достижении определенного возраста или по состоянию здоровья отчисляется за штат. Что он потом делает? Также служит, конечно, но просто уже служит столько, сколько хочет. Тем не менее, он все равно остается приписным к конкретному приходу.

- А как вы сами оцениваете численность прихожан?

- Сейчас?

- Да.

- Небольшая.

- Как правило, выделяют три вида посещаемости: обычная – включает будничную и выходную; праздничная – по праздникам светским и религиозным; и событийная – например, мощи привезли и приехал кто-то из иерархов. Они сильно различаются?

-Конечно. Давайте по порядку – будничная посещаемость. В будни – сегодня, допустим – сколько человек ко кресту подходят? Я думаю можно посчитать именно будничную посещаемость прихожан – не захожан, а прихожан – по тому, сколько человек подошло ко кресту. Ко кресту сегодня подошло человек двадцать, примерно. Естественно, что в течение службы люди заходят и уходят – видно, что человек зашел, помолился и ушел. Зашел он, допустим, в ярко-желтой куртке - из-за алтаря видно тебе, что зашел. Выходишь с крестом, а нет этого желтого пятна – значит, зашел человек, помолился и ушел. Такое бывает. Это будничная посещаемость. Воскресная – стабильная: пусть и не полный храм, но заполняемость большая. Бывает и полный храм, но не битком, чтобы стоять негде было. Битком – это вчера утром, действительно много народа. В воскресенье обычное – я не знаю, сколько по людям, никогда сам не считал – но храм заполняется. Летом меньше. То есть в период посадочно-уборочных работ и в летний период - слабая посещаемость, раза, наверное, в два уменьшается. Потому что все работоспособные люди пропадают в огородах. Вечером обычно посещаемость меньше, утром – больше. Это связано с тем, что люди воскресный день чтят и считают, что в воскресный день работать нельзя – это правильно, так и есть – и в воскресенье приходят. А в субботу, хотя субботняя служба относится к воскресной напрямую, так как служба в церкви начинается с вечера, люди не приходят. Из двух зол выбирают меньшее. Они думают: лучше мы в субботу поработаем и воскресенье пойдем, чем ни в субботу, ни в воскресенье не пойдем, и в оба дня будем работать. Я думаю, что логика такая. Если понятно, что в субботу народ приходит вечером – и много приходит, то летом, особенно в деревнях, вы в церкви никого вечером не увидите: кроме певчих, свечниц и лавочниц никто не придет. Поэтому в деревнях часто вечерние службы не свершают по будням. По выходным еще бывает, но иногда даже по выходным не совершают. Связано это еще с тем, что храм находится в деревне далеко – вы представляете, сколько до него нужно ехать, это нужно ехать транспортом. Кто в основном в храм ходит – женщины, взрослые, пожилые, бабушки. Мужчины реже ходят, пожилые и молодые. Молодые вообще реже ходят, чем взрослое поколение. И, соответственно, им приехать и вечером, и утром полностью на службу просто невозможно. Поэтому они приезжают только утром и Бога благодарим, что хотя бы так.

-Праздничная посещаемость.

-Праздничная – она, в принципе, такая же как воскресная, чуть побольше. Потому что раз праздник – в людском сознании есть такое – значит надо сходить в храм. В праздник больше народ приходит. Но праздники будем брать, наверное, такие, которые все знают – Рождество и Пасха. В такие праздники народа в полтора-два раза больше, очень много. В ту же Пасху, зачем в храм приходят? Приходят, в основном, святить куличи и яйца. Поэтому народа в пасхальный день, субботу и воскресенье, который приходит за освящением куличей, ну и помолиться, свечку поставить, очень много. Мы каждый час выходим освящать эти приношения людские. И народа все время много, человек по пятьдесят каждый раз. Вот и представьте, сколько за день проходит. Сознание, конечно, у таких людей языческое. Вряд ли эти люди были на ночной службе, на реальном богослужении присутствовали. Просто есть в народе такое сознание, что Пасха – как же без яиц? Нужно яйца освящать. А где освящать? В храме. Ну, все, пойдем в храм, яйца освятим. Это праздничная, больше, чем воскресная. Хотя воскресенье – это малая пасха, и тоже много народа приходит относительно буднего дня. А вообще посещаемость храма стала меньше за последние несколько лет, чем, например, это было десять лет назад.

-И с чем это связано?

-Связано с тем, что интерес спал, острая нужда в храме. Вы представляете, что такое восемьдесят девятый год? Это время, когда в Екатеринбурге все еще был лишь один храм –

Иоанно-Предтеченский, и туда ходить все равно было нельзя, хотя дело ближе к девяностому году, влияние режима уже ослабло. Представляете, что было, когда людям разрешили ходить в храм – конечно, в храм ломанулись. Поэтому крестили по двести пятьдесят, по пятьсот человек в день. Вот я крещу здесь по одному, по два, по три, по пять, максимум - семь человек, а вы представляете - двести пятьдесят. Было много народа, но и храмов стало больше. Сейчас у нас в городе пусть не каждый год, но открываются храмы – потихоньку, помаленьку за эти двадцать пять лет что-то построили. Какие-то храмы отстраиваются заново, вот наш храм был восстановлен. Появляются приходы по местам, по районам: на Ботанике год назад появился храм, на ЖБИ около полутора-двух лет назад появился храм - небольшой, но, тем не менее, храм, ходить туда люди могут. И в связи со всем этим людей стало меньше, и я думаю, что многие походили-походили и ушли, потому что пришли скорей всего не за тем. Пришли в храм, думали, что у них все станет здорово, классно и замечательно в жизни, этого не получили, развернулись и перестали ходить. Такие есть, я немного о таких знаю, но слышал. И даже сейчас люди приходят с разными намерениями. Кто-то приходит, и по нему видно – он походит-походит, скорей всего, не получит чего он хочет, это девяносто девять процентов. Скорей всего он очень сильно этого хочет и хочет не туда, не того, чего надо. Для души имеется в виду, понятно, что для тела-то это может и нужно. Поэтому если у человека хватит сил поглубже заглянуть в свое хотение, он останется, а если нет – развернется и уйдет искать там, где ему получить желаемое.

-Что касательно событийной посещаемости.

-Событийная – здесь вы сами больше меня в курсе по сводкам новостей. В зависимости от величины события. Вот, например, когда сейчас привезли частицу мощей – нижнюю челюсть святого князя Владимира. Святыня великая, но она все-таки русского масштаба. Не всемирного, а русского. А Русь у нас крещена, но не просвещена, и поэтому православный народ, почитающий князя Владимира, пришел поклониться этой святыне. И вообще так-то крохотные частицы мощей во многих храмах есть, и на самом деле мощи князя Владимира – это не такая редкость. И поэтому посещаемость была, но не сногшибательная, ночью можно было спокойно без очереди подойти, сам ходил, поэтому могу сказать. Не знаю, что там вечером было, говорят до двух тысяч, но что такое для двухмиллионного города две тысячи? Сколько у нас уже миллионов? Полтора или больше?

-Миллион четыреста.

-Ну, это официальная сводка. Думаю, сейчас там уже где-то под полтора и выше. Просто представьте: полтора миллиона – и две тысячи человек. Сколько это в процентном соотношении? Один-то есть процент? Ну, вот представьте, такая была посещаемость примерно этих мощей. И Пояс Богородицы когда привозили, частицу Пояса Богородицы. Вот это – общехристианская и общемировая святыня, и поэтому посещаемость была – умопомрачительная, мне кажется, это то слово, которое здесь как раз подходит. Потому что люди стояли очень долго – по пять, по шесть часов, по-моему, кто-то даже мог и по десять часов стоять, и, несмотря на то, что было холодно, люди все равно стояли, и это было в течение трех дней. Поэтому в зависимости от величины святыни. Вот, например, были мощи святителя Спиридона Тримифунтского. Он же тоже христианский святой, греческий святой, но его почитают и в Греции, и в России, в отличие, например, от князя Владимира, которого не знаю насколько сильно в Греции почитают. Но так как мы веру от греков приняли и культуру греческую восприняли, достаточно хорошо помним и знаем кто такой святитель Спиридон, и что он сделал для Церкви, то его тоже почитают у нас в России. Чуть меньше, может быть, чем святителя Николая, но тоже очень его любят. Самое главное – его любят. И поэтому когда привезли его мощи – этот тапочек, в который мощи помещают – конечно, народа было много. Меньше, чем на Пояс Богородицы, люди всего лишь по несколько часов стояли, но тоже было много. Так что посещаемость разная. Я вам скажу – когда патриарх Алексей Второй умер, в Москве, я был там, и там было просто не пройти.

Нас пропустили, потому что мы были из Духовной академии, провели как-то в обход всего, и то к гробу мы так и не смогли подойти, в храме только походили рядом. Было очень много людей – одного оцепления было несколько улиц. Но это Москва, конечно, много миллионов жителей.

-А вчера же был крестный ход, сколько было людей?

-Понятия не имею, но был народ. Хороший был крестный ход. В плане того, что для города нормальный вполне такой крестный ход. Я думаю, что тысяча человек точно была, может и поболее. Самое главное, что был народ абсолютно разный. Это и активные прихожане, и те, кто, когда являлся не то, чтобы активным прихожанином, но пономарил активно, а сейчас больше в работу ушел – и таких я там видел. И казаки, и прочие, прочие. Короче, нормально все было. Даже губернатор поучаствовал, знаете, да?

-Да, я видел новости. А обыкновенно сколько людей на крестные ходы является? Вообще, как это происходит? Просто объявляется, что будет крестный ход, и приходят все желающие?

-Да.

-Но кто-то же там хоругви несет, иконы, т.е. это специальные люди? Или уже на месте как-то ориентируетесь?

-По-разному. Есть и специальные люди, но можно попросить и человека из толпы. Вот вы придете, например, если пожелаете, увидят вас - молодой, здоровый парень, сила в руках есть, а хоругвь нести некому. Скажут: можете понести? И все, то есть такое бывает. Чаше такое бывает на малых крестных ходах, на таких больших все-таки все равно знают сколько хоругвей и кто их понесет. Тем более у нас одних семинаристов шестьдесят человек, так что найдется там кому и хоругвь понести. В основном это делается силами прихожан: кто из мужчин стоит в храме и кому мы знаем, что можно доверять – мы им даем, они несут. Я в том числе тоже носил раньше. Сейчас уже просто другими делами занимаюсь, поэтому не ношу.

-Теперь, что касательно состава. Вы уже сказали пару слов, что в основном женщины. Причем, пожалуй – женщины действительно пожилые, но среди мужчин, которые приходят, пожилых меньше, чем молодежи. Если приходит мужчина, то он либо среднего возраста, либо молодой.

-Старичков мало, согласен. Много старушек... мы сейчас за город говорим?

-Про приход.

-Про наш конкретный приход? У нас, конечно, много всего. Но все-таки больше людей среднего возраста. И сильно маленькие есть – люди, которым по тридцать, по тридцать пять, по сорок лет приводят своих детей, и бабули есть. Но понятно, что бабулек много по будням. И основные причастницы – кто для причастия подходят к священнику в будничные службы – в основном это женщины среднего и старшего возраста, реже – молодые. Вообще сложно сказать, сейчас все ходят, всех по чуть-чуть. Молодежи много ходит... есть народ. Просто я не знаю какую вам еще статистику привести. Да, старичков меньше. Вот почему старухи ходят, а старики их нет? Да потому что в Бога не верят, не хотят ходить. Бабка поняла, что она грешила, она приходит, она кается во грехах. Пусть в грехах молодости кается, сейчас-то особенно нечего грешить. Она ходит, а муж сидит дома. Часто мужья больные, часто мужья пьющие. Очень много пьющих мужчин. И очень много взрослых дедушек пьющих. Кто-то, может, и непьющий, но советский период очень сильно закалил людей в неверии, безбожии. Человек уже дышит на ладан, готов умирать, и не каждый из таких мужчин соглашается на встречу со священником. Я думаю их именно поэтому меньше. Почему вот молодые мужчины ходят, а старики не ходят? Потому что старики воспитывались в коммунистическое время, и не могут себя побороть. Мужчины же более твердолобые в этом смысле. Девушки, женщины как-то легче принимают все на веру, они более чувственные и чувствительные, а мужчин пойдти пройми. Пока у него свое на уме, и пока он сам не убедится, то он не будет ходить, он не будет что-то делать. А

женщине особо убеждаться и не надо, она просто верит и надеется. Она более переживает за детей своих, чем мужчина. Поэтому женщины больше ходят. А молодые люди – дети восьмидесятых, дети девяностых – это люди, которые успели лишь чуть-чуть застать прошлое время, время перестроечное, это люди, которые уже воспитаны все-таки в другой культуре – когда звучал и звучит колокольный звон, когда ходят крестные ходы, когда открыто много храмов, когда по телевидению не запрещена проповедь. Сейчас там можно разговаривать о чем хочешь, и началось это со «Слова пастыря» митрополита Кирилла, помните такое? По воскресеньям это было, с утра.

-А разве до сих пор нет?

-Идет до сих пор, да?

-Я уже три года телевизор не смотрел.

-Я больше. Не смотрю телевизор с две тысячи третьего года, двенадцать лет получается. Просто его нет. Семинария, академия, армия и дом. У меня сейчас дома только ноутбук, даже нет стационарного компьютера. Поэтому я не смотрю и не знаю, но, когда я был школьником, бывало видел эту передачу – «Слово пастыря», митрополит Кирилл. Он очень хорошо и красиво говорил и говорит, наш нынешний патриарх. Поэтому я считаю, что и его слово сыграло. Потом, другие много принесли плодов: слышал, что многие слушали отца Андрея Кураева и пришли к Богу, кто-то Осипова Андрея Ильича слушал и к Богу пришел. Это время, когда проповедь о Христе есть, и есть люди, которые ко Христу обращаются. А в советское время это все было запрещено, и многие даже просто не знали, находились в этом вакууме. И откуда они могли узнать, если дома их воспитывали полнейшие атеисты. Естественно, что прививали ребенку нелюбовь к Богу, нелюбовь к церкви. Хотя и в таких семьях бывало, что люди становились верующими, но просто же у каждого разная степень какого-то восприятия духа, разная духовность у каждого. Много людей – я даже сам таких встречаю иногда – настолько убеждены, что... Один мне сказал: «Вот, мол, батюшка у нас на крутой машине ездит, вообще, священники должны на лошадях ездить.» Это было сказано в одном из городов небольших нашей области, уточнять не буду. Между прочим, машина у священника – она не крутая, допустим, «хёндай старекс». Что это, крутая машина? Да, она большая. Но она разве крутая? Да нет, конечно. Крутая – это «майбах» или «лексус», это нормально. «Хёндай старекс» – это необходимость, потому что у священника приход, прихожане, нужно возить товар на этой машине, нужно возить своих детей, внуков и так далее. Просто большая машина в большом хозяйстве нужна, вот и все. И этот священник начинал с Иж-Планета-5, потом у него был Запорожец, потом была копейка, потом была Волга. Я просто все это помню. И когда у него через двадцать лет служения появляется «Хёндай старекс», я не считаю это какой-то роскошью, потому что если человек реально работает, то он может просто накопить на «Хёндай старекс». И человек, воспитанный в злобе, именно в злобе – это злоба, тут по-другому никак не назвать – ничего абсолютно понимать и слышать не хочет, он просто говорит звучные фразы. Типа «попы на мерседесах, попы должны ездить на лошадях». Я уже не помню, «попы» он говорил или «священники», это не суть. Суть в том, что он говорит, что священник должен ездить на лошади. Так на лошади сейчас ездить дороже, чем на машине. Во-первых, лошадь стоит очень дорого: у меня друг один занимается коневодством, так если лошадь стоит четыреста или пятьсот тысяч, то это вообще очень дешевая лошадь, как бы даже ни о чем. Потому что хорошая лошадь будет стоить миллион – полтора – два – три. Как хорошая машина, какой-нибудь там «рэндж ровер эвок», например. Точно также какой-нибудь рысак орловский тоже будет стоить хороших денег. Так это он столько только стоить будет! А ты его пойдешь прокорми, продержи. Когда у него в одном месте опухоль образуется – в причинном, мужском – что ты с ним делать будешь? А ветеринар сколько стоит? В общем, это целая история содержать лошадь, тем более священнику – когда ему этим заниматься? Короче, дядька сказал, но меня это умилило и немного огорчило – ведь его никак не вразумишь, не обучишь. Самое обидное, что все это делается за

глаза – человек даже не познакомится со священником. Ну, против ты священника, так иди с ним тет-а-тет поговори, узнай – на самом деле он такая скотина, как ты про него считаешь, или все-таки он получше чуть-чуть. Кто-то пойдет, конечно, а кто-то не пойдет и так и будет за глаза ругаться в эту сторону, ни разу при этом порог храма не переступив и не посмотрев что там. Я сам стараюсь никогда, если про человека говорят плохо, а я лично не знаком, таких разговоров не поддерживать, потому что я лично его не знаю, что я его ругать буду? Вот узнаю лично, познакомлюсь... В принципе, я знаю некоторых людей, про кого я мог бы сказать – с этим человеком лучше держаться на расстоянии, с ним лучше не общаться, а вот этому человеку можно доверять. Но это я на личном опыте эти вещи знаю.

-А ведется ли какая-нибудь работа с детьми?

-Ведется, конечно, воскресные школы.

-И много там детей?

-Нет, не очень. Я думаю, могло бы быть гораздо больше. Но это мы сейчас про нашу воскресную школу говорим? В нашей немного. Но я вам скажу, например, на одном из приходов Московской области я узнал, что у них триста детей записано, представляете? Триста детей. И это деревенский приход считается. Ну, конечно, это прямо на границе с Москвой, то есть буквально проходит дорога и здесь считается еще Москва, дорога – это разделительная полоса, и за ней уже считается деревня, Московская область, но по факту это та же Москва. Но церковь совсем небольшая – и триста человек детей. Почему? Потому что священники молодые, активные и, самое главное, постоянные. Просто развернули там такую богатую кипучую деятельность.

-Это были практические вопросы, самое главное. Сейчас немного общих. Сейчас об этом много дискутируется, в частности, меня зацепила беседа Познера и митрополита Иллариона.

-К сожалению, я ее не слушал, интересно, да?

-Очень интересно. Они о многих вещах говорили, но начали того, какая, по мнению митрополита, главная проблема сейчас православия в России.

-Это вы сейчас меня спрашиваете? Какая главная проблема сейчас православия в России?

-Это очень общие вопросы, но мнения-то у всех разные.

-Я не знаю, я не готов сейчас сказать какая главная проблема. Просто проблемы разные. Допустим, я считаю, что главная проблема – это проблема просвещения. Потому что говорят, что Русь крещена, но не просвещена. То есть крестить - крестили, а научить – не научили. И человек ходит крещеный, вроде крест носит на груди, а как был язычником, так и остался язычником по сути своей. Но это слишком общая проблема, потому что я думаю, что здесь речь идет о каких-то конкретных проблемах церкви. Вот оно на языке вертится и на уме, а сказать я не смогу вам сейчас.

-Ну, например, существует такая ситуация сейчас, что в наше время, когда человек говорит: «Я – православный», это больше не религиозная идентичность, а культурная. Потому что банально по опросам ВЦИОМа 73% опрошенных русских сказали, что они православные, но в то же время на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» «да» ответили 55% процентов.

-То есть получается, что человек причисляет себя к православным, но в Бога не верит.

-У них в сознании не пересекаются эти два понятия. Быть православным – значит быть русским. Так большинство людей думают.

-В принципе, это как раз то, о чем я вам уже сказал – Русь крещена, но не просвещена. Это, во-первых, было всегда, есть и, к сожалению, наверное, будет. Я так могу сказать: не знаю в чем сейчас главная проблема церкви, но могу сказать, в чем сейчас главная проблема русского человека. Причем русского не значит россиянина, а человека, живущего в России. Самая главная проблема этого человека в его лени, невежестве и апатии – таком состоянии безразличия к тому, что происходит вокруг. Как это расшифровать все... Эле-

ментарно: человек живет и сам не хочет двинуть перстом, чтобы понять в каком он живет государстве, какова история этого государства и как в таком государстве нужно жить, чтобы оно существовало. Ведь это очень серьезные вопросы. Если человек этими вопросами задастся и на них ответит, то он и жить будет праведно, исходя из ответов своих. Элементарный пример: если человек не поймет, что сейчас у нас демографическая ситуация плохая – лучше, чем в девяностые, но хуже по отношению даже к дореволюционной ситуации, или по отношению к ситуации того же Китая, или еще каких-то стран, где прирост населения больше, чем убыль населения естественная – если мы, русские, россияне, этого не сообразим, то, мало ли чего нам хочется, но если мы хотим выжить как народ, то мы должны рожать детей. Вот если это сейчас в наше сознание не придет, то будут у нас в России жить не русские, вот и все. Потому что нерусские, в отличие от русских, рожают детей. Они не предохраняются, они, несмотря, заметьте, на нищету рожают детей. И посмотрите, сколько у нас видных политиков и прочих видных фигур, которые родились в бедных семьях. Он родился в бедной семье, но это ему не помешало стать президентом, допустим. Потому что, какая разница, в какой он семье родился, если родилась личность. Он маленький, но это уже личность, характер. И не важно, где он – он возьмет и поднимется, и будет крутым. На самом деле, это не наше дело – решать кому рождаться, а кому не рождаться. Пока мы считаем, что это наше право и наше дело – сколько хочу, столько рожаю, пока сидит в наших головах такое убеждение – до тех пор и будут у нас проблемы элементарные с демографией в России. А демография сейчас не последнее место занимает в перечне важных моментов нашей российской действительности. Это один момент, а таких моментов сколько угодно. И самое главное, что, как говорят – низы не могут, верхи не хотят, а у нас – низы не хотят, а верхи тем более. И верхи, если что-то говорят и чему-то учат, то могут так: здесь красиво сказать одно, а по факту мы видим другое. То есть с одной стороны мы говорим о какой-то нравственности и прочих вещах, с другой стороны мы видим, что алкоголь как продавался везде, так и продается; как население пило, так оно пьет и сейчас. Хоть и говорят, что борьба ведется, но реально-то где борьба? Борьба ведется снизу в основном с алкоголем. То, что сверху запретили после одиннадцати продавать, то это в угоду общественному мнению, чтобы немного заткнуть тех, кто против алкоголизма. А в принципе, сейчас государство за алкоголизм и за тунеядство никаким образом не карает нас. Это, с одной стороны, и слава Богу, потому что я бы не хотел бы возвращения советского времени, когда можно было – просто недавно читал статью на «ПравМире» – за опечатку в тюрьму угодить. Получается так: люди пьющие абсолютно сами себе предоставлены. Вот пьет, бухает мужик в квартире – он ведь вообще никому не нужен, он и родственникам не нужен, государству на него тем более по барабану. То есть каких-то общественно-государственных ячеек нет, чтобы к этому пьющему мужику пришел психолог и просто поговорил с ним по душам и сказал: «Слушай, дед, на хрена ты пьешь? Ты ведь когда-то был крутым летчиком, допустим. Ладно, тебе летать нельзя, тебя нигде не берут, но у тебя же руки не из жопы растут, ты же можешь что-то делать.» В принципе, эти инициативы есть, но есть именно снизу, сверху таких инициатив нет. Снизу такие инициативы – это обилие реабилитационных центров, их много. Хотя бы, например, центр Фонда реабилитации «Ника». Наш, екатеринбургский, он же, по-моему, и в Челябинске. Таких центров много, я бывал в Ольховке, это вообще какой-то отдельный центр. Но эти центры ведь тоже никого насильно не забирают, только по желанию. Получается, что, с одной стороны, всем хочется, чтобы в магазине было что купить – алкоголь качественный, чтобы он был. А другой стороны, если посмотреть на все это со стороны, подняться над Россией сверху и посмотреть, что происходит... А происходит вот что: рядом стоят храм и магазин – я просто был в деревне одной недавно, служил. Вот храм – может там и были один-два мужика, в основном бабки были. Как служба кончилась никто больше на территорию храма не зашел. А рядом магазин, мы с ребятами зашли туда купить чего-то пожевать – и пока мы там стояли меньше пяти минут, туда зашли несколько му-

жиков, и каждый из них что-то алкогольное купил, просто один купил чуть меньше, а другой – чуть больше. Но каждый купил бухло себе, каждый. Как вообще расценить такую ситуацию, что себе можно сказать? Население, особенно в деревнях, оно просто тупо пьет. У нас в городе, допустим, еще что-то интеллектуальное осталось, элементарные компьютеры по домам у ребят есть, у мужчин какие-то развлечения – кто-то на картингах гоняет, еще что-то делает. В деревне что делать зимой? Понимаете, я вам сейчас такие вещи рассказываю – что сам видел. Вот такая наша нынешняя российская действительность. Поэтому если мы не начнем братья сами за себя, если мы опять будем ждать, пока за нас возьмется государство – опять получим Советский Союз. Не хотим сами собой управлять – хорошо, нами будут управлять другие, все будет в более жесткой форме, но зато отрезвит, очень хорошо отрезвит. Поэтому, исходя из всего этого, задача церкви, помимо того, чтобы просто окормлять верующих людей, еще и помогать вот таким людям, которые сами не могут с собой справиться, помочь им как-то указать путь. Но, тем не менее, это все-таки не основная задача церкви, а попутная, я бы так сказал.

-Еще один момент. Вам не кажется, что сейчас сложилась ситуация, когда... Проведем аналогию с Советским Союзом. Тогда было принято и уважаемо говорить, что ты – коммунист. Совершенно не обязательно, что ты – коммунист, но это поощряется. И говорить, что ты – верующий, было немного скользко, немного опасно, нельзя было говорить в общем. Не кажется ли вам, что сейчас такая же ситуация с православием? То есть многие люди стесняются говорить, что они – атеисты.

-Нет, мне так не кажется. Очень много людей до сих пор стесняются говорить, что они православные. Так что нет, это неправда. Конечно, если вы приходите в храм и в православном храме говорите, что вы атеист, то, наверное, это стеснительно, в сообществе верующих людей сказать, что я в Бога не верю. Но, с другой стороны, вас за ваши слова никто на дыбу не отправит, никто вас не повесит, не расстреляет и в тюрьму не посадит. А в советское время именно так было, то есть, сказав, что ты верующий, ты подписываешь себе смертный приговор. Поэтому, чтобы лишний раз на рожон не лезть, никто специально не ходил и не кричал: «Я верующий!». Нынешняя духовная ситуация – переходный, на самом деле, период. Сейчас очень сложно вообще сказать в каком мы находимся положении, потому что из тех людей, которые управляли нашим народом в восемьдесят девятом-девяностом году, я думаю, половина или больше половины до сих пор остались. А ведь эти люди были воспитаны в коммунизме. Поэтому, когда мы сейчас говорим, допустим, о переименовании улиц, мы натываемся на препятствия. «Это же стоит много денег, чтобы переименовывать, нужны деньги». А вот кто такой, например, был Свердлов, вы мне можете сказать? Что вы знаете о Свердлове?

-Большевик...

-Он положительную или отрицательную роль сыграл?

-Он – историческая фигура.

-Я понимаю, но его же дела как-то должны его характеризовать. Что сделал Свердлов полезного для государства Российского?

-Он принял участие в складывании Советского государства.

-Да, для Советского государства он, безусловно, много сделал.

-Это была форма существования России.

-Ладно, а для русских людей что он сделал?

-Он не ставил перед собой цели сделать что-то хорошее для русских людей.

-Можно я скажу, что он сделал. Это можно трактовать по-разному, но мы трактовать не будем, мы просто факты приведем. По его приказу расстреляли царскую семью. Это факт. По его приказу устроили кровавое подавление казачьего бунта. А бунт-то почему был? Да потому что казакам не нравилась пришедшая советская власть. Что это за власть такая непонятная, которая еще и убивает. Казаки бунтовали – их всех перерезали, большую часть, по крайней мере. Может кто-то и выжил, не знаю. Он устроил геноцид казачества, и с

точки зрения Советского Союза, советской идеологии, все эти его действия и деяния были положительными. Он молодец, он укрепил государство, он весь этот антисоветский элемент повырезал, повыгонял и так далее. Но то, что он царскую семью расстрелял – не своими руками, но по его приказу расстреляли – в Москве некоторые чиновники за голову взялись. Как так, почему он сделал это без нашего разрешения? То есть он впереди планеты всей, у него идея фикс была – царскую семью расстрелять. И лично мое мнение – Свердлов не достоин того, чтобы его именем называлась улица. Или так: он достоин этого, но только с негативной точки зрения, то есть если улица и называется его именем, то наш город должен быть городом убийц, если на то пошло. Мы же не называем улицы в честь Лжедмитриев? Это же антигерои, это же мы молодцы, а они хотели власть занять, поэтому мы их прогнали, убили. Это Минин и Пожарский молодцы, пожалуйста, назовите улицу в честь Минина и Пожарского, людей, которые реально народ освобождали. А кто такой Свердлов? И, знаете, ладно бы один Свердлов. Просто самое-то обидное, что по всей России все улицы переименованы. Была Крестовоздвиженская старая – стала Карла Маркса. Да кто такие Карл и Маркс для настоящего русского человека?

-Очень много спорных фигур в истории, против которых вы не будете возражать.

-Я сейчас с вами не спорю, я просто мнение свое выражаю. Это сейчас проблема. В Москве она была решена довольно быстро, там очень много улиц сразу в девяностые годы переименовали. Но это Москва – там все более живо решается. Когда поменялась власть – тут же стали все менять. До нас как обычно доходит все очень долго, до Урала. Поэтому в Москве все очень быстро поменяли, только оставили кое-что как историческую память – если есть станция метро «Войковская» и раньше не было здесь метро, и это единственное название, то ее, понятно, менять не стали. Но кто такой Войков? Войков – это тот, кто убивал царскую семью. А ведь уже была официальная государственная реабилитация всех членов царской семьи, а раз их реабилитировали, то автоматически меняются север с югом. То есть, грубо говоря, если до этого убийца был хороший и его именем улицу назвали, а царская семья были антисоветские элементы плохие, а теперь они все-таки хорошие, а он – убийца, так какого, простите, рожна его именем улица называется? И так весь наш Екатеринбург, так и в Вятке-Кирове, так везде. В любом городе нашей области есть улица Ленина. И если Ленин до сих пор у нас в Екатеринбурге стоит на площади, хотя на том месте был храм, большой красивый храм Иоанна Богослова. И там захоронения есть какие-то, под всей этой площадью, кости. Там недавно были раскопки, может вы видели, там копались; хотели парковку сделать подземную. И раз до сих пор все это есть, то я делаю вывод такой: что в умах людей – пустота. Большинства людей. И даже если там не пустота, то там просто нет места для здоровых перемен. А я считаю, что это здоровые перемены, когда ты понял, что это не так, и это надо поменять. И поменял. Даже порой умные люди, верующие люди, и то могут этому воспротивиться, я не знаю в силу каких причин. Но прежде всего никому неохота этим заниматься, неохота, простите, жопу поднимать и что-то делать. А я, учась в академии три года, все эти три года занимался тем, что с одним священником пытались нашу область переименовать в Екатеринбургскую. У Госдумы пороги обивали, у депутатов, почти Грызлова подпись получили. Собрали столько писем от всех наших, кто здесь был. Это был две тысячи восьмой–девятый–десятый–одиннадцатый год. Все время писали нам отписки. Пока такое творится и внизу, и наверху о каком-то светлом настоящем очень сложно сказать. Нынешнее настоящее разве можно светлым назвать? Вот так вот, по-честному? Я бы не сказал. Что, все идеально? Далеко не идеально. И нигде. Школа – то место, где все должно быть хорошо и замечательно, где все должно быть по-доброму, что в школе сейчас? Учителя отказываются воспитывать. А почему они отказываются воспитывать? А потому что сверху им говорят, что воспитывать должны родители дома, а вы должны только учить. Поэтому учитель теперь просто тупо человек, который дает тебе знания, не более того. Слава Богу, нас воспитывали. Нас могли наказывать, нас могли двойкой напугать, напугать тем, что с урока отправят.

А сейчас учителям запрещено ставить двойки. Официально, конечно, не запрещено, но если ты поставишь ему двойку, то тебя потом затаскают по кабинетам директоров и завучей и будут песочить – почему ты такой плохой, ребеночку хорошему ставишь двойку? Значит, ты плохой учитель.

-Это портит показатели школы, это политика директора.

-Ну, может быть. Я говорю вам то, что слышал от учителей. Это те учителя, которые учили меня, я-то учился еще в девяносто третьем–две тысячи третьем году, так что я дите еще девяностых годов. Родился вообще еще в восемьдесят шестом году, то есть я и Советский Союз, и рубли с Лениным застал – в магазин бегал покупать хлеб еще на старые деньги. И учителя, которые преподавали нам – это все учителя жуткой советской закалки, такой мощной. И поэтому нам, когда приходили в класс, говорили: «Сели и пришилились!». И мы садились и дрожали, понимаете? Это сейчас смешно мне, потому что ничего страшного не было, но тогда мы были маленькими, и все боялись этого учителя, вот так вот она преподавала. И она молодец. И она не одна такая была, там все такие были. Сейчас – невозможно. Сейчас учительница что-то скажет, не так сделает – на нее куча заявлений от родителей пойдет, что этого бедного ребеночка обидели. Это есть, это все есть.

-Последний вопрос, тоже достаточно общий. Можете выделить какие-то особенности Урала в религиозном отношении?

-Ну, попробую. Слова, которые первые в голову приходят – мрак и беда, как бы сказал отец Иоанн Охлобыстин, ныне Андрей Быков. И я бы также сказал. Что такое Урал? Это место ссылки – раз, место бегства – два. Урал в свое время, на заре своего развития, это место, где много заводов и, соответственно, много людей рабочего класса. А люди рабочего класса, они, к сожалению, не отличаются какой-то особой интеллектуальностью. Поэтому очень сложно с рабочим человеком говорить о, например, возвращении улицам прежних названий, возвращении области прежнего названия. Это пройденный этап: мы с отцом Андреем Кураевым побывали в Вятке у губернатора, так получилось; сидели за столом и как раз вопрос переименования Кирова в Вятку обсуждали, потому что Киров – это Вятка бывшая, ее можно; и как раз говорили о том, что люди, которые там просто тупо на заводе работают с утра до вечера – очень трудно до них эту мысль донести, что это надо, для нас с вами это надо сделать – городу вернуть его прежнее название. И Урал весь такой. Москва – она более живая в этом плане, там люди менее черствые. Я имею в виду все это по отношению к церкви – сами-то по себе люди на Урале хорошие и добрые, это безусловно. Потому что мы все-таки в глубинке – у нас нос не задран, как у москвичей, например. Поэтому куда бы мы ни приезжали, для всех мы – хорошие и добрые. А вот именно отношение самих уральцев и, в частности, в Екатеринбурге к Русской Православной Церкви, оно, к сожалению, чаще негативное, чем позитивное. Пример – восстановление храма святой Екатерины, вы об этом, наверное, уже знаете и слышали. И помните, как это Чернов, или как его, не помню, депутат, организовал митинг против строительства храма святой Екатерины. Просто это наглядная к моим словам иллюстрация того, насколько Екатеринбург православный. Если бы Екатеринбург был православный, то храм святой Екатерины уже скорей всего стоял бы восстановленный. Все-таки это Екатерина, это же не храм святого Магеллана. Поэтому раз храма до сих пор нет, раз общественность против – понятно, что православная общественность «за», ну, так сколько у нас в городе православных – поэтому, конечно, так себе у нас обстановочка на Урале в духовном плане. Но это все дело поправимое. Просто сейчас у нас Рождественские чтения, региональный тур, и отец Алексей, настоятель храма Вознесения Господня, он в своем докладе приводил данные статистики по Чеченской республике, Тамбовской области и наш Урал. Он говорит: берешь, открываешь Яндекс и смотришь – из пяти новостей сколько про убийства, кражи, разбои и сколько новостей нормальных; и в Тамбовской области в Чечне – все новости нормальные, а вот Урал – Екатеринбург и Челябинск – из пяти новостей пять плохие. Я реально посмотрел – у них может быть одна плохая, пять нормаль-

ных, то у нас – пять плохих, одна нормальная. Тоже о чем-то говорит. И параллельно с этими показателями он приводит показатель, сколько людей в Тамбовской области захотели преподавания основ православной культуры, в Чечне – основ мусульманской культуры, и сколько у нас захотело, на Урале. Примерно, то же самое. То есть, если там процентов двадцать, то у нас процентов пятнадцать. И с каждым годом у нас желание людей слушать курс ОПК падает. Нужно уточнить: он падает не потому что люди не хотят слушать, а потому что директора школ настроены очень твердолобо в этом отношении и не заинтересованы абсолютно никак в этом. И поэтому особо не дают ходу.